

ЗОЛОТАЯ
серия поэзии

Федор
Тютчев

Я встретил
вас...

Москва
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Т98

Составитель и автор комментариев — *А. Марченко*

Разработка и оформление серии *Самойловой Алисы*

В оформлении переплета использована фотография:

© ThavornC / Shutterstock.com;

Иллюстрация на корешке: © donatas1205 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тютчев, Федор Иванович.

Т98 Я встретил вас... / Федор Тютчев ; составитель и автор комментариев А. Марченко. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-04-118479-7

О Тютчеве написано множество ученых и умных книг, однако вернее всех угадал тайну этой гениальной личности младший современник поэта Иван Тургенев: «О Тютчеве не спорят; тот, кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Сборник избранных стихотворений Федора Тютчева — подарок истинным ценителям русской поэзии.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)1-5

© Марченко А. М., состав,
комментарии, 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118479-7

Блажен,
кто посетил
сей мир

Ф. И. Тютчев.
*Портрет маслом работы неизвестного художника.
Начало 1820-х годов.*

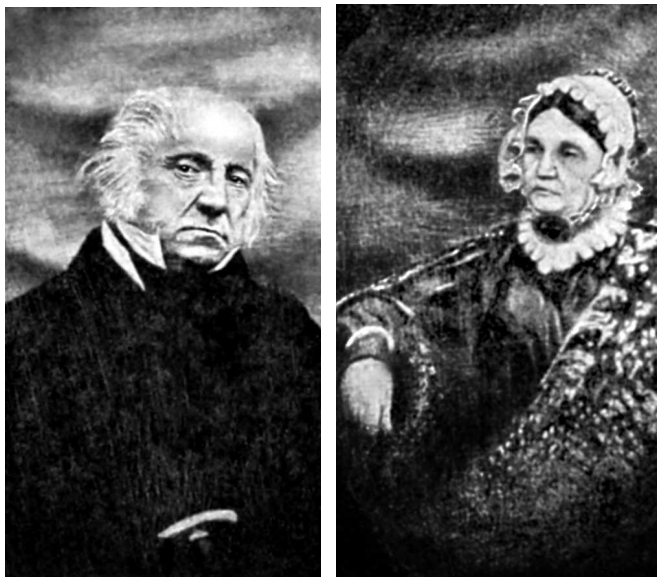

Федор Тютчев никогда не считал себя профессиональным литератором, стихи записывал на чем придется, порою на клочке газеты или полях казенной бумаги, чтобы тут же и потерять. Однажды, разбирая архив, сжег по рассеянности чуть ли не все свои юношеские рукописи... Да и семья, в которой он родился, была далека от литературных интересов. Старший зять Федора Ивановича, известный славянофил Иван Аксаков так описывает этот домашний круг, характерный для московского неслуживого дворянства первой четверти XIX века:¹

«...Федор Иванович был второй, или меньший, сын Ивана Николаевича и Екатерины Львовны Тютчевых и родился в 1803 г. 23 ноября, в родовом тютчевском имении, селе Овстуг Орловской губернии Брянского уезда. Тютчевы принадлежали к старинному русскому дворянству. В Никоновской летописи упоминается «хитрый муж» Захар Тутчев, которого Дмитрий Донской, пред началом Куликовского побоища, подсылал к Мамаю со множеством золота и двумя переводчиками для собрания нужных сведений, что «хитрый муж» и исполнил очень удачно. В числе воевод Иоанна III, усмирявших Псков, называется также «воевода Борис Тютчев Слепой». С тех пор никто из Тютчевых не занимал видного места в русской истории ни на каком поприще деятельности. Напротив, в половине XVIII века брянские помещики Тютчевы славились лишь разгулом и произволом, доходившими

---

¹ Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.

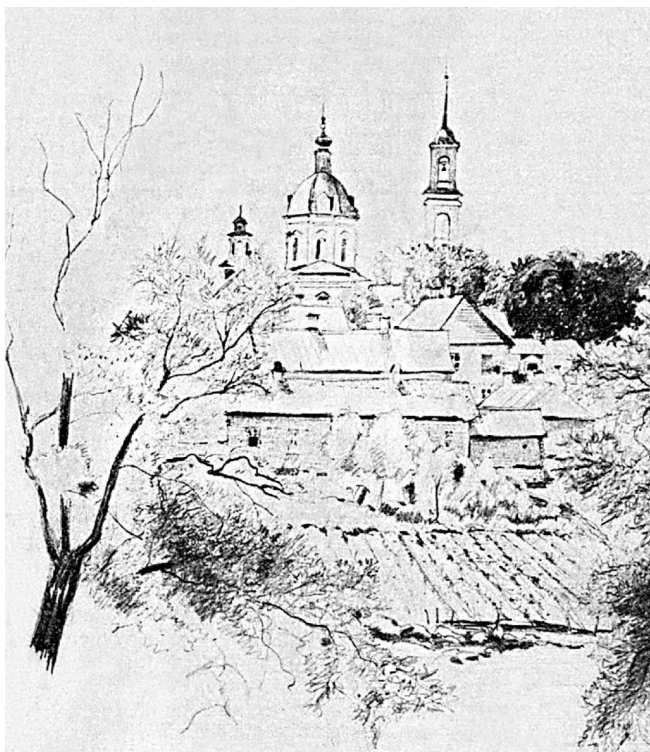

И. Н. и Е. Л. Тютчевы, родители поэта.

до неистовства. Однако же отец Федора Ивановича, Иван Николаевич, не только не наследовал этих семейных свойств, но, напротив, отличался необыкновенным благодушием, мягкостью, редкой чистотой нравов и пользовался всеобщим уважением. Окончив свое образование в Петербурге, в Греческом корпусе, основанном Екатериной в ознаменование рождения великого князя Константина Павловича, Иван Николаевич дослужился в гвардии до поручика и на 22 году жизни женился на Екатерине Львовне Толстой, которая была воспитана, как дочь, родной своей теткой, графиней Остерман».

Федор Иванович Тютчев и по внешнему виду (он был очень худ и малого роста), и по внутреннему духовному строю был совершенной противоположностью своему отцу; общего у них было разве одно благодушие. Зато он чрезвычайно походил на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замечательного ума, сухощавого, нервного сложения, с склонностью к ипохондрии, с фантазией, развитой до болезненности. Отчасти по принятому тогда в светском кругу обыкновению, отчасти, может быть, благодаря воспитанию Екатерины Львовны в доме графини Остерман, в этом, вполне русском, семействе Тютчевых преобладал и почти исключительно господствовал французский язык, так что не только все разговоры, но и вся переписка родителей с детьми и детей между собой, как в ту пору, так и потом, в течение всей жизни, велась не иначе как по-французски. Это господство французской речи не исключало, однако, у Екатерины Львовны приверженности к русским обычаям и удивительным образом уживалось рядом с церковнославянским чтением псалтырей, часословов, молитвенников у себя, в спальне, и вообще со всеми особенностями русского православного и дворянского быта.

<...> В этой-то семье родился Федор Иванович. С самых первых лет он оказался в ней каким-то особняком, с признаками высших дарований, а потому тотчас же сделался любимцем и баловнем бабушки Остерман, матери и всех окружающих. Это баловство, без сомнения, отразилось впоследствии на образовании его характера: еще с детства стал он врагом всякого принуждения, всякого напряжения воли и тяжелой работы. К счастью, ребенок был чрезвычайно добросердечен, кроткого, ласкового нрава, чужд всяких грубых склонностей; все свойства и проявления его детской природы были скрашены какой-то особенно тонкой, изящной духовностью. Благодаря своим удивительным способностям, учился он необыкновенно успешно. Но уже и тогда нельзя было не заметить, что учение не было для него трудом, а как бы удовлетворени-

Овстуг — родовое имение Тютчевых. Вид из окна.
*Рисунок сделан с натуры другом Тютчева поэтом
Яковом Полонским.*

ем естественной потребности знания. В этом отношении баловницей Тютчева являлась сама его талантливость. Скажем, кстати, что ничто вообще так не балует и не губит людей в России, как именно эта талантливость, упраздняющая необходимость усилий и не дающая укорениться привычке к упорному, последовательному труду. Конечно, эта даровитость нуждается в высшем, соответственном воспитании воли, но внешние условия нашего домашнего быта и общественной среды не всегда благоприятствуют такому воспитанию; особенно же мало благоприятствовали они при той материальной обеспеченности, которая была уделом образованного класса в России во времена крепостного права. Впрочем, в настоящем случае мы имеем дело не просто с человеком талантливым, но и с исключительной натурой — натурой поэта».

Братья Тютчевы: Николай (вверху) и Федор.
Парные портреты работы неизвестного художника.

...Ему было почти девять лет, когда настала гроза 1812 года. Родители Тютчева провели все это тревожное время в безопасном убежище, именно в г. Ярославле; но раскаты грома были так сильны, подъем духа так повсеместен, что даже вдали от театра войны не только взрослые, но и дети, в своей мере, конечно, жили общей возбужденной жизнью. Нам никогда не случалось слышать от Тютчева никаких воспоминаний об этой године, но могла же она не оказать сильного непосредственного действия на восприимчивую душу девятилетнего мальчика. Напротив, она-то, вероятно, и способствовала, по крайней мере в немалой степени, его преждевременному развитию, что, впрочем, можно подметить почти во всем детском поколении той эпохи. Не эти ли впечатления детства как в Тютчеве, так и во всех его сверстниках-поэтах зажгли ту упорную, пламенную любовь к России, которая дышит в их поэзии и которую потом уже никакие житейские обстоятельства не были властны угасить?

*Иван Сергеевич Аксаков.
Из книги «Биография Федора Ивановича Тютчева»*

Повезло будущему поэту с первым наставником. Вернувшись «после француза» в Москву, собственный дом, к счастью, уцелел, Иван Тютчев, по совету добрых знакомых, пригласил к младшему сыну лучшего в городе учителя словесности Семена Раича. Талантливый педагог, к тому же поэт, Раич не только оказал благотворное влияние на «умственное и нравственное сложение» своего талантливого воспитанника, но и утвердил в нем литературное направление. Он же привил своему питомцу особую любовь к античной классике и вкус к переводу. По инициативе учителя четырнадцатилетний Тютчев перевел, а затем и прочел на одном из собраний Общества любителей российской словесности знаменитое стихотворение Горация «Послание к Меценату». Перевод был одобрен и вскоре напечатан. В том же 1818 году Тютчев поступил в Московский университет.

М. П. Погодин.

Рисунок неизвестного художника. Москва, 1820-е годы.

Живой и общительный, Тютчев легко заводил знакомства, но всерьез, на всю оставшуюся жизнь подружился лишь с Михаилом Погодиным, будущим известным историком. Воспоминания По година сохранили для нас образ юного беззаботного Тютчева:

«...Мне представился он в воображении, как в первый раз пришел я к нему, университетскому товарищу, на свидание во время вакации, пешком из села Знаменского, под Москвой, на Серпуховской дороге, в Троицкое, на Калужской, где жил он в своем семействе... молоденький мальчик, с румянцем во всю щеку, в зелененьком сюртучке, лежит он, облокотясь на диване, и читает книгу. Что это у вас? Виландов «Агатодемон». Или вот он, на лекции в университете, сидит за моею спиной на второй лавке и, не слушая Каченовского, строчит на него эпиграммы (они у меня целы)».

М. П. Погодин.

Из «Воспоминаний о Ф. И. Тютчеве»

Федору Тютчеву не было еще и восемнадцати лет, когда он успешно сдал последний университетский экзамен и получил кандидатскую степень. Диплом с отличием и родственные связи позволяли рассчитывать на блестящую карьеру, так, во всяком случае, считали родители, но сам кандидат о будущем не задумывался, он жил настоящим. Его первый биограф, уже известный нам Иван Сергеевич Аксаков, пишет:

«...Сам он весь отдался своему настоящему. Жаркий поклонник женской красоты, он охотно посещал светское общество и пользовался там успехом. Но ничего похожего на буйство и разгул не осталось в памяти об нем у людей, знавших его в эту первую пору молодости. Да буйство и разгул и не свойственны были его природе: для него имели цену только те наслаждения, где было место искреннему чувству или страстному поэтическому увлечению. Не осталось также, за это время, никаких следов его стихотворческой деятельности: домашние знали, что он иногда забавлялся писанием остроумных стишков на разные мелкие случаи, и только».

Из книги «Биография Федора Ивановича Тютчева».

Аксаков не совсем прав: и в ранней юности Тютчев писал не только остроумные стишки на случай. В университетские годы, например, создано стихотворение «К оде Пушкина на Вольность». При всем своем уважении к дивному гению семнадцатилетний дилетант решительно с ним не согласен, по его мнению, назначение поэта в том, чтобы смягчать, а не ожесточать сердца.

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседряющею струей,
Как пламень Божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскую парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

*Ноябрь(?) 1820
Москва*

Кто из родителей поэта принял решение, неизвестно, но на семейном совете Федору было объявлено, что в Петербурге ему приготовлено приличное место в Государственной коллегии иностранных дел. Тютчев не возражал: Петербург так Петербург. Однако и двух месяцев не прошло, как дорога его жизни сделала новый и, как вскоре выяснилось, опять-таки роковой поворот.

* * *

В 1822 году Тютчев был отправлен в Петербург, на службу в Государственную коллегию иностранных дел. Но в июне месяце того же года его родственник, знаменитый герой Кульмской битвы, потерявший руку на поле сражения, граф А. И. Остерман-Толстой посадил его с собой в карету и увез за границу, где и пристроил сверхштатным чиновником к русской миссии в Мюнхене.

«Судьбе угодно было вооружиться последней рукой Толстого (вспоминает Федор Иванович в одном из писем своих к брату лет 45 спустя), чтоб переселить меня на чужбину...»

В 1822 году переезд из России за границу значил не то, что теперь. Это просто был временный разрыв с отечеством. Железных дорог и электрических телеграфов тогда еще и в помине не было; почтовые сообщения совершались медленно; русские путешественники были редки. Отвергнутый от России в самой ранней, нежной молодости, когда ему было с небольшим 18 лет, закинутый в дальний Мюнхен, предоставленный сам себе, Тютчев один, без руководителя, переживает на чужбине весь процесс внутреннего развития, от юности до зрелого мужества, и возвращается в Россию на водворение, когда ему пошел уже пятый десяток лет. Двадцать два года лучшей поры жизни проведены Тютчевым за границей...

*Иван Сергеевич Аксаков.
Из «Биографии Федора Ивановича Тютчева»*

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

*Не ранее апреля 1823-1824
Мюнхен*

В Мюнхене Тютчев познакомился и вскоре дружески сошелся с Генрихом Гейне. Гейне в ту пору еще учился в Боннском университете, но песни и романсы, написанные на его стихи, распевала вся молодая Германия.

Тютчев не только дружит с Гейне, но с увлечением переводит его стихи. Он вообще много переводит. Из Шекспира. Из Гёте. Из Байрона. И вот что интересно: через полтора десятка лет Лермонтов выберет для переложения на русский язык те же самые тексты! И из Гёте, и из Байрона!

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в нашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

Не позднее середины 1826

ПЕСНЯ

(Из Шекспира)

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

Конец 20-х, начало 30-х гг.

